

Некоторые аспекты актуальности изучения китайского менталитета в социальной философии

© С.А. Просеков

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, 125167, Россия
МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Исследована проблема актуальности изучения китайского менталитета. Показано, что менталитет — это главная интегрирующая сила китайского общества. Учет его особенностей оказывается чрезвычайно важным во всех сферах: от личных и деловых связей до международных отношений. Обосновано положение, согласно которому сетевое понимание человека и мира радикально отличает китайский менталитет от европейского, русского, американского. Отмечена возможность заимствования китайского опыта в вопросах оптимального ответа цивилизации на вызовы времени. Выявлено, что традиционный китайский менталитет способен самым точным образом ответить на вызовы времени.

Ключевые слова: *Китай, Европа, Россия, менталитет, социальная философия, христианство, даосизм, конфуцианство, «желтая угроза», цифровая эпоха, благотворительность, патриотизм*

Китай — полиэтничное государство. Даже ханьцы, самая многочисленная этническая группа в Китае, которую сами китайцы считают одним этносом, согласно исследованиям, состоит из разных этнических групп. Ученые насчитывают в стране 9–12 отдельных китайских языков, подчеркивая, что это именно языки, а не диалекты. В Поднебесной есть множество разных типов кухни, существуют далеко не лестные стереотипы жителей одних районов в отношении уроженцев других и т. д. Главный фактор, который интегрирует китайцев, — общая ментальность. Ментальность позволила жителям Поднебесной войти в глобализирующийся мир и стать одним из его лидеров. Именно с этими обстоятельствами прежде всего связана практическая важность изучения китайского умостройства: европейцам не понять китайцев и не выстроить с ними эффективных отношений без знания особенностей их мышления. Кроме того, практически полезно ознакомление со способом сосуществования разных этносов, с китайскими методами объединения нации и мирного соседства разных религиозных конфессий и общин, ведь история Китая не прерывалась, несмотря на бунты, нашествия чужеземцев, чьи династии становились правителями страны, и прочие катаклизмы, которые случались и в Европе, и в иных регионах мира, нередко приводя к утрате интегративных начал по причине того, что расизм и национализм,

идеи превосходства одних людей над другими считались нормой культуры, к уничтожению целых государств, этнических и религиозных групп.

Без адекватного понимания китайской ментальности невозможно развитие синологии, для которой данный феномен является базовым. Поэтому исследователям разных специальностей, в том числе филозофам, следует сосредоточить усилия на комплексном и системном подходе к изучению китайского менталитета.

Социокультурный подход трактует менталитет как совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, которые влияют на исторические и социокультурные процессы. Таким образом, менталитет — это некая интегральная характеристика людей, живущих в отдельной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него.

Ментальность европейская — и русская — является сегодня христианизированной, поскольку именно христианство задает ее матрицу, и не очень важно, является ли европеец или россиянин верующим или нет. Европейский Союз напрасно отказался от признания своих христианских корней. М. Вебер указал на более узкий процесс: протестантизм задал матрицу мышления в ряде европейских стран, и позже, даже при активных процессах атеизации и секуляризации, эта матрица мышления продолжает существовать. Да, в Европе есть некоторая специфика, в частности, связанная с тем, католические ли это по преимуществу страны или протестантские, в России свою печать на менталитет наложило православие, но все это — христианские конфессии и деноминации. Так же и изложение бесед Конфуция, и китаизированные буддистские книги, и даосский канон мало кто читал целиком. Можно предположить, что огромные массы населения Китая их вообще не читали, но эти принципы являются несущими опорами китайского менталитета, передаются через расхожие афоризмы, байки, театральные представления, народную живопись и архитектуру, через ритуал и одобрение социума. Этим может быть оправдан компаративный кросс-культурный подход к теме китайского менталитета, который слишком часто встречает сопротивление со стороны специалистов на том основании, что европейская и китайская культурные матрицы слишком различны, а потому сравнивать их не следует. В ряде случаев оказывается плодотворным также специальный компаративный анализ китайской картины мира и русской как заданной в своих основах православием, как бы ни были различны их коды.

При ближайшем рассмотрении китайского уюстра можно сделать парадоксальный вывод о том, что традиционный китайский

менталитет оказался способен при не самых существенных корректировках точно ответить на вызовы времени, и обосновать этот вывод.

Представляется, что, опираясь на достижения социальной философии, истории ментальностей, синологии и других научных дисциплин и заполняя имеющиеся лакуны в изучении китайской ментальности, в социально-философском исследовании необходимо акцентировать актуальные вопросы в разработке темы:

- определение методологических позиций подхода к теме китайского менталитета, применение системного, структурно-функционального и синергического подходов, обсуждение проблемы адекватности описания одного менталитета посредством категорий другого; обоснование структуры китайского менталитета, при котором означенное должно соответствовать реальной структуре означаемого, определение исходных понятий и инструментария исследования, демонстрация возможности множественных версий модернизации;
- выявление сущностных черт и особенностей китайского менталитета на основе социально-философского, историко-культурологического и кросс-культурного анализа;
- концептуальная формулировка базовых структур китайского менталитета;
- осуществление кросс-культурного компаративного анализа (Европа — Россия — Китай; христианство — даосизм и конфуцианство) и изложение его результатов;
- формулировка доказательств преимущественно аудиального характера традиционного китайского менталитета и сетевого представления о человеке и мире.

В связи с ростом влияния Китая в азиатском регионе и в целом на мировой арене, как отмечают специалисты-китаеведы, нарастают антикитайские настроения, что частично обусловлено интересами конкуренции, частично — ошибками в китайской политике либо неотрефлексированными страхами перед «желтой угрозой», завистью и нарастающей в мире ксенофобией. При этом возникает вопрос: можно ли что-то перенять у китайцев, если они сегодня демонстрируют такие поразительные успехи в развитии?

Китайские диаспоры теперь можно встретить повсюду, причем они не ассимилируются в инокультурной среде, а продолжают воспроизводить на новых местах Китай и китайскость. Меж тем в связи с переизбытком мигрантов в Европе и вторым переселением народов проблемами нарастет ксенофобия, которая также распространяется на китайцев. В Китае дешевый труд, а потому значительное количество европейских и американских производств было перемещено в Китай, что позволило транснациональным компаниям получать большие прибыли, но при этом дало возможность китайцам на

каком-то этапе начать диктовать свои условия, в частности, демпингуя на мировом рынке. Собственные высокие технологии Китай не продает, зато приглашает Запад делиться его технологиями или просто их ворует и копирует. Китай — ядерная держава, и это не дает возможности другим государствам вынуждать его вести подневольную политику на мировой арене, что нравится далеко не всем лидерам военного противостояния. В данном случае могут бояться не только китайского оружия массового поражения, но и «ползучего», мирного «завоевания», «поглощения» противника, подобным длительным историческим опытом жители Поднебесной обладают. И тут для прогнозов очень важно понимать китайский менталитет.

Какова польза для россиян с точки зрения прагматики изучать китайский менталитет, — можно отвечать, имея в виду, по крайней мере, два обстоятельства. Россияне китайцами никогда не станут, и в этом смысле можно изучать и наблюдать, но нельзя просто перенести наблюдаемые в Китае феномены на российскую почву, поскольку у россиян другая история и иной менталитет; впрочем, это относится к любым иностранным достижениям. Кроме того, философия — не прикладная дисциплина, поэтому результаты философских исследований могут быть использованы в прикладном отношении лишь частично и чаще всего косвенно.

Недостаточная информированность о китайском менталитете может вести к пагубным последствиям в политических, экономических и культурных отношениях с этой страной. Так, при построении военной доктрины целесообразно учитывать специфику китайского стратегического мышления, при котором презирают любую «военную романтику» и рассуждения о героической смерти. Все, что может быть решено мирным путем, будет решаться без войны, а военная стратегия строится с избеганием по возможности рисков, на основе знания войны, составления расчетов и планов без всяких надежд на «случай» и «удачу». Главное внимание уделяется не теории, а прагматике, не отвлеченной логике, а реальному ходу событий. Понимание менталитета китайцев может оказаться очень важным для ведения информационных войн, при которых победа достигается до начала боевых действий или вместо нее: «Очень может быть даже, что в условиях анархии, сопутствующей информационной, или “постмодернистской”, цивилизации, война вообще становится бессмысленной или даже невозможной. Это обстоятельство лишь с еще большей ясностью раскрывает глубинный смысл войны как способа сохранения жизненной целостности существования и, следовательно, как духовного испытания. Если человечество приходит к пониманию того, что боевые действия становятся ненужными, то не менее важно осознать и то, что главное условие победы в соответствии с идеальной стратегией, предлагаемой китайской мыслью, — это духовные

качества победителя. Победа достается более достойному, более нравственному сопернику — вот один из самых примечательных уроков китайской стратегической науки. Это как нельзя более простой урок: побеждает тот, кто может водворить “сердечное общение”, “сердечное понимание” между людьми.

Настоящая победа приходит *после* боя. Значит, она может прийти и *вместо* боя» [1, с. 19, 20].

Интересные результаты может дать кросс-культурный анализ концепта «сердца» в китайском даосско-конфуцианском менталитете и в христианском устроении. Конечно, следует отметить, что китайцы очень прагматичны и не идут в международных отношениях по пути подчинения и бескорыстия; если нужно, они используют и обман, и лесть, и «мягкую силу», адаптируясь к ситуации, стремятся превратить врагов в друзей, действуя посредством обучения, финансирования и поглощения, но демонстрируя «жесткую силу» и военную мощь — они не забыли национальное унижение и разгром в XIX и начале XX вв. Альянсом восьми держав, восстания и бунты внутри страны, а текущие события в Гонконге накануне празднования 70-летия образования КНР, проблема Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района и противостояние с США в торговой войне вынуждают их быть всегда начеку.

Китайский менталитет китаецентричен, что следует иметь в виду и при прогнозах поведения государства в международных отношениях, и в выстраивании с китайцами деловых и личных связей.

Например, в бизнес-отношениях китайцы долго ведут переговоры, но когда они заключили договор, предполагают, что выполнение оговоренных правил обеими сторонами обязательно — так рассчитано их стратагемное мышление, и в этом отношении полезно знать, что такое китайская ментальность вообще, а также изучить 36 китайских стратагем, которые задают алгоритм, позволяющий неявными тактическими и стратегическими приемами, перехватывая инициативу, получать преимущества и добиваться собственных целей. То, что может казаться европейцам коварством и обманом, часто оказывается следованием традиционным алгоритмам мышления. В этом смысле китайцам легче иметь дело с американцами, потому что у них правила в деловых отношениях соблюдаются всегда, но трудно — с российскими партнерами, у которых правила могут меняться «на лету».

Полезно знать, что китайцы не критикуют действия своего правительства и партии, тем более в разговорах с иностранцами, и вводить эти темы в беседы не следует.

Целесообразно также понимать и учитывать в реальных коммуникативных ситуациях то радикальное обстоятельство, что у европейцев — субстанциональное понимание человека и мира, а у китайцев — сетевое. Европейец или американец может быть уверен в том, что он

имеет дело с тем же человеком, с которым он вступал в переговоры, например, вчера, и с той же «вчерашней» ситуацией, но в ощущении китайца и он мог стать иным человеком, и ситуация сегодня совсем иная. Притом, это постоянно изменяющаяся сеть, а время и пространство дискретны и неоднородны, у каждого человека, как и любой вещи, они свои, но различаются внутри себя. Привычные для европейца бинарные оппозиции оригинал/подделка в китайской картине мира не берутся и не являют собою неподвижные противоположности, а суть одно, и в подобных случаях, с точки зрения китайца, нет места для оценок вроде «обман», «коварство» или «фальшивка». Ведь хорошо копировать хорошее, и если цель эффективно достигнута — например, в случае когда китаец вызвал противника на поединок и убил его по дороге на место боя, а продавец продал вместо оригинала подделку как «вечно длящуюся подлинность», — враг повержен, а покупатель заплатил, значит китаец уверен, что поступил правильно. «Китайская культура — культура намеренного повторения, *вечно длящейся подлинности*, постепенно переходящей в не менее ценную подделку под саму себя» (курсив авт. — С.П.) [2]. При этом копия и оригинал ценятся в Китае одинаково, в ранге оригинала, в отличие от европейского отношения к имитации.

«Истина места состоит в радости или боли, которая от него исходит» [3, с. 28, 29], равно как и истина времени состоит в разных переживаниях, вызываемых в процессе постоянных метаморфоз, которые исходят от того или иного момента времени. Пространство и время для китайца связаны воедино и нелинейны. Вызов современности — вовлеченность, вчувствование человека в действие до практической слитности и неразличения объекта и субъекта, что характеризует традиционный китайский менталитет в высшей степени, могло быть тормозом для развития по принципам Модерна, но стало настоящим локомотивом в эпоху Постмодерна. Китайская рациональность предполагает практически мгновенную реакцию на изменения или даже опережающую реакцию: что-то только собирается меняться, а китайская ментальность уже среагировала на эту предстоящую метаморфозу, обеспечивая своему носителю оптимальное положение в предстоящем мгновении времени-пространства. Это может для европейца выглядеть как магия и чудо, но чудесного тут нет, есть алгоритм. Можно ли ему научиться? Европейцы пробуют, изучая различные техники, но постоянно делая одну и ту же ошибку: они концентрируются на теории и/или физическом феномене, технологии, на телесном или книжном, в то время как у китайцев здесь задействовано «телесное сознание» [4], но именно им труднее всего овладеть, если вообще возможно.

Китайская чувствительность к знакам и символам развита в самой высокой степени. При этом с переходом от аграрной цивилизации

к индустриальной европейцы почти утратили восприимчивость к символам, все чаще употребляя знаки для указания на единственное содержание — на функцию вещи, а китайцы сохранили несмотря ни на что. С одной стороны, зная особенности китайского символизма, можно укреплять доверие в отношениях с жителями Поднебесной. С другой стороны, цифровая эпоха, эпоха Интернета, связанная со знаками и виртуальностью, оказалась адекватной китайской ментальности, поэтому китайцы преуспевают сегодня в данной сфере. Современному аудиовизуальному человеку как пассивному потребителю («слушающему и смотрящему») требуется научиться переводить свою энергию в действие, в кинестетику, когда актер и действие сливаются воедино («слушающий = видящий = действующий»), а китайцы приучены к такому холизму издавна и сегодня лишь совершенствуются в своей прагматике.

Китайское переживание/концепт «лица» в некоторых отношениях, как показано в других публикациях автора настоящей статьи, близко европейским понятиям «честь», «репутация», «достоинство», «престиж» и др., но в ряде оттенков существенно от них отличается. Кроме того, с одной стороны, «защита чести и достоинства» входит даже в правовые нормы многих европейских стран, которые существенно уже, чем моральные нормы, с другой — попытки сдвинуть окна Овертона за всякие пределы и приписать «достоинство» любому человеку только потому, что он человек, не взирая на его реальные деяния и качества, и практически любому меньшинству только потому, что оно меньшинство, все чаще выхолащивают в Европе и США понятия чести и достоинства. Понимание китайского «лица» позволяет оптимальным образом выстроить межличностные отношения с китайцами, а знание важности ритуализма в китайской культуре не позволит европейцам раздражаться из-за «медлительности» китайских партнеров или их закрытости для фривольного, «свободного» обращения, и это при почти отсутствующем, на взгляд европейцев, личном пространстве.

Знание особенностей отношения китайцев к семье и государству, к труду и досугу, к закону и деньгам, к культуре и морали могут помочь выстраиванию отношений наилучшим образом, в то время как игнорирование такой специфики ведет к грубым ошибкам, начиная с высшего политического уровня и заканчивая сферой личного общения.

Примечательно, что патриотизм — естественное качество китайской души. Даже эмигранты, разбогатевшие в других странах, а тем более преуспевающие бизнесмены, постоянно проживающие в Китае, активно занимаются благотворительностью, порой изумляющего масштаба. Конфуцианская традиция — помогать семье и клану, и государство заинтересовано в том, чтобы эта традиция не умирала; благотворители занимаются своей деятельностью прежде всего в родных регионах

и в отношении университетов, где они учились. Однако для регистрации филантропических организаций существовало много препятствий, начиная с обязательного выбора государственного «поручителя», связанных с чиновничьими интересами: уставной фонд такой организации должен был быть достаточно велик, а цели — желательного национального, а не регионального масштаба и, например, не должны включать помощь людям с редкими заболеваниями. Все основные вопросы в благотворительных фондах решали «поручители», т. е. государство [5]. С одной стороны, это сковывало инициативы и желание филантропов вкладывать деньги, с другой — государственное видение социальных проблем хоть медленнее и консервативнее, зато шире, панорамнее, чем частное.

В 2010-е годы благотворительность в Поднебесной активно развивалась. Так, в 2015 г. сто крупнейших благотворителей страны потратили на эту деятельность \$3,8 млрд [6]. Новый закон о благотворительности начал действовать 1 сентября 2016 г., согласно ему, благотворители уже не обязаны иметь в поручителях государственные структуры, появилась возможность регистрации небольших некоммерческих организаций (НКО), развивается малая и ситуативная благотворительность, есть неофициальная благотворительность, поскольку не все богатые люди готовы открывать для публичного обозрения свои доходы [7].

В Китае в ряде регионов введены социальные рейтинги как граждан, так и организаций, в соответствии с которыми распределяются льготы и поддержка государства. В «Программе создания системы социального доверия (2014–2020)» указано: «Оправдавшие доверие получают все блага, а утратившие доверие сталкиваются с трудностями на каждом шагу» [8]. Добавление баллов в рейтинг организаций по замыслу должно мотивировать филантропов и волонтеров. Коммунистическая партия Китая, пропагандируя филантропию и волонтерство, сохраняет за собой практически все властные полномочия в этой сфере, контролируя денежные потоки и льготы, которые должны поощрять благонадежных граждан, вовремя выплачивающих кредиты, живущих в соответствии с принятыми нормами и лояльных властям, и не должны быть использованы оппозиционными элементами. Следует отметить, что в целях повышения эффективности соответствующих отраслей России и Китаю полезно ознакомление с состоянием дел друг у друга [9].

Введение социальных рейтингов вызвало у многих ассоциации с наступлением в Китае настоящей эпохи Большого Брата по Оруэллу. При этом у самих образованных китайцев данная «система социального доверия» актуализирует воспоминания о легизме (IV–III вв. до н. э.), учении, в соответствии с которым все люди равны перед

законом и императором, а должности и привилегии в государстве распределяются не по происхождению, а по заслугам перед этим государством. Формирование гражданского общества, важной частью которого являются благотворительность и волонтерство, осуществляется под руководством властей. Китайцам свойственна государственно-патерналистская ориентация и иерархичность в картине мира. Прочность государственной машины — один из главных приоритетов в Китае, и этому следует у него поучиться. Каков бы ни был режим в России, жить тут и не быть государственным невозможно, а идея социального государства закреплена в Конституции РФ. Кроме того, в условиях глобализованного мира национальные государства оказались ослабленными, во многом их функции были переданы транснациональным корпорациям, что повело к массовому недовольству в разных странах, вовлеченных в эту сеть, в том числе к принятию идеи о том, что для совместной деятельности недостаточно одних экономических связей, а необходима объединяющая идеология, которая не выработана и вряд ли может быть выработана. Европейские интеллектуалы призывают возродить национальные государства. А китайцы никогда свое национальное государство не теряли, а только укрепляли, несмотря на то, что идеология марксизма предполагает «отмирание государства» по мере развития социализма.

Конечно, существуют у китайцев и антикитайские идеи, и диссидентство в отношении правящего режима, но они остаются маргинальными явлениями.

Еще одна характеристика, сближающая китайский образ мысли и русский, — роль морали. В Китае мораль — высший критерий во всех прочих областях. Многие русисты считают склонность к моральным критериям и высказываниям особой чертой русского национального характера. Вероятным объяснением является «вертикальный» характер русского мировоззрения с поисками абсолютного добра и отрицанием зла; отсюда, как полагают, часто исходит недооценка относительного добра в конкретных людях и ситуациях, склонность к крайним моральным оценкам и суждениям.

Китайский характер, как показали исследования автора настоящей статьи, также ориентирован «вертикально», но в китайской картине мира нет непроходимой границы между полярностями, они всегда перетекают друг в друга. Отсюда — ситуативность моральных оценок, сдержанность в них, бережное отношение к своему «лицу» и к «лицу» других участников коммуникативных процессов, что следует тщательно учитывать в межкультурном общении.

Китай сегодня в Европе, США и России стали изучать многие. Для глубокого понимания такой страны и ее неожиданного для многих рывка в развитии востребованы специалисты разных дисциплин:

синологи, политологи, экономисты, искусствоведы, философы и др. При этом синологи ревниво относятся к работе философов, экономисты экстраполируют свои схемы, наработанные на европейском материале, на азиатскую почву, не задумываясь об адекватности такой экстраполяции, искусствоведам часто не хватает знаний по этнопсихологии и панорамного видения проблем с помощью социально-философского метода при использовании метода «лупы», рассмотрения «с близкого расстояния» и т. п. В работах автора настоящей статьи сделана попытка комплексного подхода к исследованию китайского менталитета, синтезирующего достижения разных наук, что ведет к возможности представить некоторые важные собственные результаты социально-философского характера в изучении китайского менталитета.

Китайский менталитет существенно отличается от европейского и русского. При этом все свершения любой нации связаны с ее менталитетом, как его глубинными основами, так и национальным характером, привычками, национальной психологией в целом. КНР сегодня показала удивительные достижения, что актуализирует интерес к изучению китайской картины мира, китайского способа мышления и общения. Не исключено, что в самом ближайшем будущем вся геополитическая карта мира будет сильно меняться, и не последней причиной таких метаморфоз станет Китай.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Малявин В.В., сост. Тайный канон Китая. Москва, РИПОЛ классик, 2019, 304 с.
- [2] Маслов А.А. *Модель, копия, подделка*. URL: <http://ec-dejavu.ru/f/Fake-2.html> (дата обращения 23.11.2023).
- [3] Маклюэн М. *Понимание медиа. Внешние расширения человека*. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf (дата обращения 23.11.2023).
- [4] Малявин В.В. О телесном сознании. *Средоточие*. URL: <http://www.sredotochie.ru/o-telesnom-soznanii/> (дата обращения 23.11.2023).
- [5] Кутелева А. Благотворительность в Китае: поиски гармонии. *Магазета*. URL: <https://magazeta.com/charity/> (дата обращения 23.11.2023).
- [6] Благотворительность с китайской спецификой: 10 фактов о филантропах в Китае. *ЭКД!* URL: <https://ekd.me/2016/02/chinese-philanthropy/> (дата обращения 23.11.2023).
- [7] Мельников С. Человек сорта D: Китай внедрил цифровые социальные рейтинги граждан. *Милосердие.ru*. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/kitajskaya-sistema-sotsialnogo-doveriya-blagotvoritelnost-i-bolshoj-brat/> (дата обращения 23.11.2023).
- [8] Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020). *China Copyright and Media*. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (дата обращения 23.11.2023).

- [9] Склоцкий Р. Обзор филантропии в Китае. *Фонд Потанина*. URL: <https://www.fondpotanin.ru/library/blog/obzor-filantropii-v-kitae/> (дата обращения 23.11.2023).

Статья поступила в редакцию 28.04.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Просеков С.А. Некоторые аспекты актуальности изучения китайского менталитета в социальной философии. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 3. EDN YFBJZA

Просеков Сергей Анатольевич — канд. филос. наук, доцент, заместитель заведующего редакцией научных журналов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана.
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Certain aspects in studying the Chinese mentality topicality in regard to social philosophy

© S.A. Prosekov

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125167, Russia
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper analyzes the problem of relevance in studying the Chinese mentality. It shows that mentality is the main integrating force in the Chinese society. Taking into account its features turns out to be of utmost importance in all the areas from personal and business connections to the international relations. The paper substantiates position stating that network understanding of a person and the world radically distinguishes Chinese mentality from those European, Russian, and American. The possibility is noted of borrowing the Chinese expertise in matters of the civilization optimal response to the challenges of time. It is revealed that traditional Chinese mentality is able to most accurately respond to the challenges of time.

Keywords: China, Europe, Russia, mentality, social philosophy, Christianity, Taoism, Confucianism, “yellow threat”, digital age, charity, patriotism

REFERENCES

- [1] Malyavin V.V., ed. *Taynyi kanon Kitaya* [The Secret Canon of China]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2019, 304 p.
- [2] Maslov A.A. *Model', kopiya, poddelka* [Model, copy, fake]. Available at: <http://ec-dejavu.ru/f/Fake-2.html> (accessed November 23, 2023).
- [3] McLuhan M. *Ponimanie media. Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media. External extensions of man]. Available at: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf (accessed November 23, 2023).
- [4] Malyavin V.V. O telesnom soznanii [On the body consciousness]. *Sredotochie*. Available at: <http://www.sredotochie.ru/o-telesnom-soznanii/> (accessed November 23, 2023).
- [5] Kuteleva A. Blagotvoritelnost v Kitae: poisk garmonii [Charity in China: search for harmony]. *Magazeta*. Available at: <https://magazeta.com/charity/> (accessed November 23, 2023).
- [6] Blagotvoritelnost s kitayskoy spetsifikoy: 10 faktov o filantropakh v Kitae [Charity with Chinese specificity: 10 facts about philanthropists in China]. *EKD!* Available at: <https://ekd.me/2016/02/chinese-philanthropy/> (accessed November 23, 2023).
- [7] Melnikov S. Chelovek sorta D: Kitay vnedril tsifrovye sotsialnye reytingi grazhdan [China introduced digital social ratings of citizens]. *Miloserdie.ru*. Available at: <https://www.miloserdie.ru/article/kitajskaya-sistema-sotsialnogo-doveriya-blagotvoritelnost-i-bolshoj-brat/> (accessed November 23, 2023).
- [8] Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020). *China Copyright and Media*. Available at: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (accessed November 23, 2023).
- [9] Sklotskiy R. Obzor filantropii v Kitae [Overview of philanthropy in China]. *Fond Potanina — Potanin Foundation*. Available at: <https://www.fondpotanin.ru/library/blog/obzor-filantropii-v-kitae/> (accessed November 23, 2023).

Prosekov S.A., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Deputy Head, Editorial Board of the Scientific Journals, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: SAProsekov@fa.ru